

ART AKTIVIST

Журнал

Спецредакторы

Медиаотека

Сообщество

— Злобина Тамара

Язык власти, наш язык

Jan 27, 2012 5 4 766

Хотя визуальное искусство и не связано с речью напрямую, как литература, все же мы пользуемся языком для его описания и критики, а значит для выстраивания исторических нарративов и статусных иерархий. «Сто лучших художников современности», «известный арт-критик»... Женщины исчезают уже на уровне проговаривания, и вряд ли стоит недооценивать этот аспект дискриминации, подкрепленный сотней других властных практик. Отказ многих называть себя художницами, стремление быть «Художником» говорит о внутренней мизогинии, радостно поддерживаемой мизогинным обществом. Не так уж важно — главное, чтобы работы были хорошими? Но кто и как, по каким меркам и образцам, каким языком и в каком контексте оценивает и описывает (создает) качество? Критичное искусство должно быть критично во всем, в том числе к языку и дискурсу, в котором описывает себя.

Меня всегда удивлял взгляд на язык как на то, что нельзя, ни в коем случае нельзя менять, и что не изменяется (а если и меняется, то под тщательным присмотром консилиума академиков, решающих, как волхвы, судьбы слов и запятых). Для меня язык — живая структура, описывающая действительность, пространство коллективного творчества, создающее новые понятия для новых вещей и явлений. И если в наш разговор вошли компьютеры, мобильные, интернет, трэш и гламур, то почему существительные, отображающие факт с историей более столетия — работу женщин вне дома — так запаздывают? С другой стороны, правильный, кодифицированный язык — это знак привилегии, отличающий человека с высоким культурным капиталом и, соответственно, с большими жизненными шансами, чем у носитель(ей)ницы суржика либо трясанки. В Восточной Европе английский является маркером гостя с притягательного Запада, при деньгах, вызывающий дружелюбие и особенное внимание. В Украине русская либо украинская речь может восприниматься очень по-разному, в зависимости от региона и социальной среды, вызывая симпатию либо агрессию, помогая либо мешая профессиональному успеху. Я привожу эти примеры, чтобы напомнить, что язык — это власть, одно из мощных средств воспроизведения и закрепления неравенства. Заметить это более чем легко, все же так очевидно.

Почему стюардесса нормально, а критикесса — нет?

Почему любовница, соперница, уборщица нормально, а художница — нет?

Почему повариха, шлюха, пряха, сваха и сутенерша нормально, а министрша и врачиха — нет?

Почему официантка, хозяйка, красотка, кокетка, кокотка нормально, а редакторка — нет?

Обманщица, врунья, говорунья, сплетница.

Актриса, клоунесса и балерина. Певица, пианистка, фокусница и проказница. Но балетмейстер, режиссер, дирижер.

Отличница, ученица, школьница, студентка — аспирант, кандидат, доктор, академик, профессор, преподаватель.

Спортсменка и победительница — тренер и чемпион.

И почему баронесса, виконтесса, графиня, княгиня, царица, аристократка, помещица, боярыня, купчиха — нормально? Почему нормально крестьянка, торговка и работница, но ненормально «товарищка»?

Все слова и суффиксы, описывающие социальный класс и вторичное положение женщины в обществе — ее обслуживающую роль сексуального объекта, жены, матери и улады для глаза, ее труд в наименее престижных профессиях — для сексистского взгляда совершенно ОК. Те же суффиксы, которые отображают новую действительность — успешную, массовую публичную профессиональную деятельность женщин, их участие в политической жизни, — табу, мерзость и посягательство на святой язык, кодифицированный в священном писании словаря.

Мы долго искали, но так и не нашли никого, кто последовательно занимается темой феминистского реформирования русского языка. Как показало недавнее обсуждение в [feministki](#), идея феминизации русского, особенно в части феминных окончаний статусных профессий, вызывает неприятие и

РУБРИКИ

news обзор (6)
 активизм, закон, цензура (31)
 арт-институции (11)
 архитектура, охрана памятников (3)
 Без рубрики (1)
 белорусский авангард (5)
 гендер, феминизм, квир (23)
 дискуссии (9)
 заслуженный работник культуры (2)
 издания (11)
 институциональная критика (7)
 интервью (46)
 итоги (15)
 круг интересов (2)
 кураторское дело (3)
 лекция (7)
 манифесты, акты, декларации (7)
 материалы па-беларуску (16)
 международный опыт (26)
 некролог (3)
 общество (10)
 опрос (5)
 перформанс (5)
 письмо редактора (3)
 портфолио (4)
 реакции, наблюдения, тенденции (40)
 события, выставки (53)
 стрит-арт, публик-арт (10)
 текст художника (7)
 терминология (7)
 фотография (16)
 художники (38)
 школа критики (3)

негодование. Режет ухо, неграмотно, незстетично, унижает женщин: инженерка менее профессиональна, чем инженер; Ахматова, как известно, поэт. Тем более пора начать это делать, преодолевая андроцентричность языка и внутреннюю мизогинию носительниц и носителей языка. Я позаимствую смелость у Гоголя, привнесшего в русский литературный немало украинских слов и фразеологических оборотов, и поставлю в пример свой родной язык, в котором феминизированные названия профессий уже более привычны, а премьерка, лидерка партии и депутатка — отображают политическую реальность государства. И даже «членкина», женская форма от «член» (трудового коллектива), мне кажется менее нелепой, чем маскулинный оригинал. Если смешно говорить пилотка космического корабля, можно также посмеяться над словом «дипломат».

Dear Russians! Don't be so oppressed. Андроцентричный язык не ценность. Эстетика речи — эвфемизм дискриминации. Язык нужен живой, отображающий действительность, способствующий равенству. Всего лишь небольшой политический жест — женский суффикс, хоть и непривычно. Отказ от собственной интернализированной мизогинии. И честно: раз решившись писать и говорить справедливо, привыкаешь быстро, и дальше уже все эти Учитель, Академик и Художник не то что режут ухо — безумно смешат!

Игорь Янович. Для феминизации русского языка используется...

Чтобы успешно менять дискриминационные языковые практики, которые делают невидимыми какую-то часть общества, прежде всего нужно помнить, в чем состоит цель изменений. Эта цель не в том, чтобы ввести в оборот какие-то конкретные слова или конструкции, а в том, чтобы язык в целом перестал поддерживать общественное неравенство. Поэтому стратегия введения изменений должна быть гибкой, включающей следующие компоненты:

- А) выделение областей, в которых язык устанавливает и закрепляет общественное неравенство;
- Б) поиск возможных изменений, которые бы нейтрализовали дискриминирующие языковые практики;
- В) постоянная оценка практической успешности введения найденных положительных изменений в повседневное употребление, «обратная связь».

Важно, чтобы для каждой проблемы было несколько возможных вариантов решения: как правило, заранее невозможно предсказать, какие именно из этих вариантов окажутся жизнеспособными. Искать способы нейтрализации неравенства в языке нужно «с запасом».

В современном литературном русском можно выделить по крайней мере три области, где сегодняшняя языковая практика делает женщин и женский опыт невидимыми:

- 1) выбор мужского рода «по умолчанию» у местоимений (например, «каждый») и генерических имен (например, «читатель», «зритель»);
- 2) имена профессий, для которых в среднем характерно употребление по умолчанию имени морфологического мужского рода, согласующегося с глаголами и прилагательными также по мужскому роду («Наш профессор задал домашнее задание» может описывать ситуацию, где профессор — это женщина).
- 3) согласование по мужскому роду с «грамматическими» словами типа «кто».

В чем состоит проблема с дефолтностью морфологического и синтаксического мужского рода в этих трех областях? Понять это помогает простой мысленный эксперимент. Возьмем пару слов «художник» и «художница». В современной языковой практике женщину можно назвать обоими словами, а мужчину — только первым. Допустим, женщин и мужчин среди художников и художниц одинаковое количество. И вот в этих условиях читательница встречает фразу «Художник, создавший эту инсталляцию...» По факту человек, о котором идет речь, может быть и мужчиной, и женщиной. Но если это мужчина — то именно такой способ назвать его является безальтернативным. А если женщина — то существовал и другой способ выразить ту же идею. Поэтому рациональным с точки зрения теории вероятности выводом читательницы будет заключить, что человек, о котором идет речь — мужчина. Вероятность того, что это была женщина, конечно, не нулевая, но она меньше 50% — несмотря на то, что по условию нашего эксперимента, женщин и мужчин в этой профессии поровну! Поэтому если слушательнице захочется определиться с гендером «художника», для нее будет разумно заключить, что этот гендер — мужской. В случае, когда контекст не предоставляет дополнительной информации о гендере, именно такой выбор

обычно и делается. В русскоязычной прессе нередки случаи, когда журналисты, не знающие гендерной принадлежности каких-либо иностранных личных имен, «превращают» женщин, работающих в самых различных областях, в мужчин — просто по умолчанию. Всем ведь «понятно», что, скажем, «*МИНИСТР*» — это «наверняка» мужчина.

В результате этого вполне рационального в своей основе поведения женщины становятся во многом невидимыми. Когда мы открываем книгу или газету и видим там «художников», «ученых», «журналистов», «политиков» — может показаться, что женщин среди этих людей почти нет. Не случайно исследование дискурса о женщинах-ученых и женщинах-инженерах показывают, как на протяжении десятилетий (!) любая попадающая в сферу внимания прессы женщина соответствующей профессии может описываться как самая первая, как уникальный случай. Сегодня одна первая, через три года — другая, еще через два — еще одна «первая»... Как такое возможно? Почему предыдущие «первые» прочно забываются? Потому что если чье-то существование сделано почти невидимым, то эти «первые» успевают прочно забыться в ряду «ученых» и «инженеров», воспринимаемых по умолчанию как мужчины.

Что же можно сделать с русскими языковыми практиками, делающими женщин невидимыми?

1) мужской род «по умолчанию» у местоимений и генерических имен

Из трех названных эту область, пожалуй, легче всего изменить. Есть три простых стратегии, каждая из которых нейтрализует порочную современную практику:

— замена местоимения или генерического имени (например, «*ученик*») на местоимение или имя женского рода («*ученица*»);

— замена единственного числа на множественное, которое не указывает на род (замена «*каждый*» на «*все*»);

— употребление вместо одного слова мужского рода сочиненных двух слов мужского и женского родов (замена «*учеников*» на «*учеников и учениц*»).

Таким образом, «*каждый должен знать*» можно заменить на «*каждая должна знать*». «*Внимательный читатель заметит*» можно заменить на «*Внимательная читательница заметит*». «*Студенты хорошо выполнили задание*» можно превратить в «*студентки и студенты хорошо выполнили задание*».

Все три основные стратегии можно объединять в одном тексте, чтобы избежать стилистической навязчивости. Использование множественного числа является самой нейтральной стратегией, которая обычно даже не отмечается читательницами на сознательном уровне. Использование местоимений женского рода как дефолтных (например, «*Любой понятно, что*») может вызвать наибольшее отторжение или непонимание у неподготовленных читателей. Это необязательно плохо, однако в случае использования этой стратегии обязательно нужно следить за тем, чтобы контекст давал понять, что слово женского рода использовано именно как дефолтное, и относится к мужчинам в том числе.

2) названия профессий

Названия большинства престижных профессий в русском имеют немаркированный вариант, принадлежащий к мужскому роду, и маргинализированный вариант, принадлежащий к женскому. Часто имя женского рода имеет отрицательную либо просторечную коннотацию (например, «*врачиха*»).

Есть два широких класса стратегий, которые можно использовать в этом случае:

— «экспроприация» немаркированных слов мужского рода, с подчеркиванием случаев, когда они относятся к женщинам, с помощью согласования с прилагательными и глаголами в женском роде («*наша программист решила...*»);

— использование слов женского рода с целью их де-маргинализации, как если бы они действительно были немаркированными.

У обеих стратегий есть свои минусы. Первая стратегия помогает сделать женщин более заметными, но при этом существующие «женские» слова остаются маргинализированными. Больше того, в условиях, когда значительная часть слов женского рода используется с отрицательной коннотацией — такая же отрицательная коннотация может переходить и на синтаксическое согласование в женском роде.

Вторая стратегия способна в долгосрочном плане привести к демаргинализации «женских» слов, однако поскольку сейчас такие слова маргинализированы, их использование может отрицательно восприниматься самими женщинами (ср. пресловутое «я не поэтесса, я поэт»). Такое возможно даже с относительно нейтральными словами типа «*поэтесса*», а для некоторых профессий к тому же просто не существует даже нейтрального варианта женского рода. Например, слово «*врачиха*» маркировано как просторечное (хотя, скажем, «*ткачиха*» такой маркировки не имеет), а «*врачка*» не используется в русском. «*Профессорша*» несет отрицательную окрашенность, а «*профессорка*» часто воспринимается как «уродливый неологизм». Не нужно преувеличивать значение таких отрицательных реакций на попытки изменить языковую практику — если такое употребление станет достаточно широко распространено, эти реакции постепенно сойдут на нет. Но и учитывать то, что попытки изменить языковую практику могут вызывать отторжение, тоже нужно.

3) согласование по мужскому роду с «грамматическими» словами типа «кто»

Само слово «кто» и образованные от него местоимения типа «*кто-то*» в современном русском имеют мужской род. Изменить эту черту современного русского труднее, чем две предыдущие: у таких слов нет женского варианта или (морфологического) множественного числа, и поскольку они очень сильно встроены в грамматическую систему языка, поменять их употребление очень нелегко.

Автор этой заметки полагает, что вопрос о возможной феминизации этой области лучше отложить до появления успешных стратегий феминизации в других, более поддающихся быстрым изменениям частях языка. Если русский язык начнет всерьез двигаться в сторону меньшего неравенства — логика этого развития, может быть, приведет и к тому, что даже для таких глубоко спрятанных в механику языка инструментов воспроизведения неравенства начнут появляться альтернативы.

Стоит помнить, что сегодняшнее состояние языка не упало с неба. Оно отражает столетия гендерного неравенства, которое все это время основательно перекраивало язык под себя. Поэтому попытки изменить сегодняшние языковые практики — это ничуть не большее насилие над языком, чем уже имевшее место в истории.

Важно и то, что изменения в языке не должны быть самоцелью. Язык — не более чем один из фронтов борьбы с неравенством. Победы на этом фронте помогают общей борьбе, но вся борьба к этому фронту не сводится. Больше того, без изменений в сторону большего равенства в обществе в целом будет невозможно и изменить язык: общество, которому нравится сохранение или усиление неравенства, не примет предлагаемые феминизационные изменения.

Вольга Гапеева. Для фемінізацыі беларускай мовы ўжываецца...

суфікс «-ка»: дырэктарка, паэтка, мастачка, куратарка, і г.д., бо з'яўляецца натуральным для беларускай мовы, і калі і мае негатывныя канатацыі, то пад уздзеяннем рускай мовы, дзе пазначэнне прафесійнай прыналежнасці ў форме з «жаночымі» суфіксамі набывае прыняжальную афарбоўку: *позтэсса, крытыкэсса, дырэктрысса.*

— для пазначэння множнага ліку можна ўжываць дзве формы (мужчынскую і жаночую) *чытачы і чытачкі; гледачы і глядачкі.*

— у адзіночным ліку пры нявызначанай полавай прыналежнасці магчыма выкарыстанне адной формы (напр. *чытач*), але з наступным ужываннем займеннікам абодвух палоў

Напр.: *Часам чытач можа здзівіцца і ягонае/ейнае ўяўленне пра твор.....*

Гэта што тычыцца лексем і граматыкі, але варта памятаць і пры **дыскурсіўны** момант тэксту. Напрыклад, апісваючы жанчыну ў прафесійнай сферы (як мастачку, скажам), пазбягаць апісання ейнага знешняга выгляду (ці ўказання ейнага сямейнага статусу і колькасці дзяцей (*маці траіх дзяцей*)), калі гэта не карэлюе з тэмай сюжэта.

Олена Синчак. Для фемінізацыі украінскай мовы вживається...

— суфікс -К-, який є найпродуктивнішим, позаяк за його допомогою утворюється більшість фемінітивів-новотворів: *прем'єрка, депутатка, директорка, перекладачка, скульпторка, малярка, поетка, редакторка, журналістка, діячка* і т.д.

— суфікс -ИЦ-, який додається до чоловічої основи на -(н)ик, -ець: *відмінниця, натхненниця, підприємця, спадкоємиця, виконавиця, улюблениця, засновниця, переможниця;*

— зростає продуктивність суфікса -ИН-, який раніше використовувався лише в кількох словах (*княгиня, графиня, кравчиня, майстриня*), а тепер додається і до основ на -ець (*борець — борчиня, виборець — виборчиня, мистець — мисткиня, фахівець — фахівчиня, видавець — видавчиня, продавець — продавчиня*), і до основ на приголосний, які тривалий час вважались як такі, що не піддаються фемінізації (*шеф — шефиня, ворог — ворогиня, член — членкиня, ворог — ворогиня, філолог — філологиня, фотограф — фотографиня*). До речі, знаний український філолог Олександр Пономарів прокоментував цю тенденцію так: «"Продавчиня" звучить набагато краще, ніж "продавщиця". Порівняймо: "кравчиня" від "кравець", як "продавчиня" від "продавець". "Фотографиня" — незвично, але відповідно до закону українського словотвору, і до цього слова можна звикнути».

— маркери: *чоловіки- і жінки-політики;*

— у множині і в різних відмінках вживаються дві форми: *викладачки і викладачі; викладачок і викладачів; організаторкам і організаторам;*

— загальний чоловічий рід уникають не тільки завдяки симетричним жіночим і чоловічим формам (*малярки і малярі*), але й завдяки заміні чоловічого роду на жіночий чи введенні множини (*хтось сказала чи сказали — замість сказав*); та завдяки ширшому вживанню слів *людина, особа, когорта* і *спільнота*: *кожна людина (особа) — замість кожен із нас, журналістка спільнота — замість журналістки і журналісти;*

— якщо важливо наголосити на більшій ролі жінок у чомусь, можна вживати фемінітиви у значенні загального роду: *експертки, спеціалістки* і т.д.;

— якщо вживання гендерно симетричних форм переобтяжує текст, можна вдатись до стратегії нейтралізації: замість *українські студентки і студенти протестували* — *українське студентство протестувало;*

— варто уникати тверджень, які закріплюють у мові та свідомості гендерні стереотипи (наприклад: *Усі чоловіки — добрі керівники. Усі жінки — чудові підлеглі. У чоловіків є хист до менеджерської діяльності, а в жінок — до викладацької*), зокрема, стереотипні способи репрезентації (коли у статті про творчість мисткині наголошують на її зовнішньому вигляді чи сімейному стані).

Читать по теме:

Редакторское письмо №2: Почему не было великих художниц?

Почему не было великих художниц? (Ответы художниц) Ч.2

гендер, феминизм, квир письмо редактора терминология вольга гапеева игорь янович олена синчак
спецредактор: тамара злобина

[Предыдущая публикация](#)

[Следующая публикация](#)

5 comments

PP
Jan 28, 2012

Так артактивіст чи артактивістка?

АЛЕКСЕЙ
Jan 28, 2012

Все высказанное выше очень правильно и разумно, и, в сущности, повторяет весь дискурс феминизации английского языка, прошедший несколько десятилетий назад. Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что высказанные утверждения и предложения целиком коренятся в когнитивной, рациональной интерпретации языка и не совсем учитывают аффективную его сторону и коннотации, возникающие при употреблении определенных форм. В отличие от английского, где использование грамматического рода весьма ограничено, в русском, как и во многих других языках, оно является доминирующим и опирается с одной стороны, на формальные признаки существительных (склонения), а с другой, на традицию, рациональное зерно углядеть в которой весьма сложно (в самом деле, трудно рационально объяснить, почему стол — мужского рода, окно — среднего, а дверь — женского). То есть, согласившись с нормативностью фразы «наша программист решила», мы никуда не денемся о гендерных коннотаций в фразах типа «ну ты и дуб», «а Лена-то какая кисонька», «та глупость и чушь...», «нам нужен закон и порядок...» и прочее. Кроме того, любое искусственное вмешательство в узус языка может быть как принято, так и не принято, причем с различными результатами — так, никто не мог предсказать, что впоследствии слово «самолет» будет восприниматься как нейтральное, а «аэроплан» — как архаизм, тогда как прямо противоположна судьба постигнет слова «воздухоплавание» и «авиация». То есть, не исключено, что некоторые политкорректные феминизированные формы могут начать восприниматься стилистически с иным, часто противоположным оттенком (как это уже происходит с такими словами, как «врачиха», «бизнесуман», «генеральша»). Иными словами, на мой взгляд, к внедрению политкорректных форм в русский язык, распространенный в не самом политкорректном обществе, следовало бы подходить осторожно, опираясь на дескриптивные, а не на прескриптивные механизмы.

KLAUSTRAPHOB
Jan 28, 2012

«скучно, бабы злобствуют, пезды мхом покрыты, невдомек придурошным, что усы не сбрить» В. Бородиенко.

ЛЮДМИЛА
Jan 29, 2012

Примечательно, что использование одних и тех же суффиксов для обозначения мужских престижных и непрестижных для данной культуры статусов не вызывает возмущения: любовник и полковник; сутенер и стажер; подлец и новобранец — таким образом суффиксы не носители эмоций, а лишь нейтральные помощники, и только общий контекст употребления слова придает ему тот или иной оттенок. Поэтому глупо утверждать обратное в случае с женским родом. И видимо в дискуссиях не суффиксы возмущают население, над ним довлеет образ, созданный существующими наименованиями женского: служанка, помощница, секретарша, кокетка, актриса — нижележащий, услужливый, подчиненный, несерьезный и т.д. И если женщина отказывается от такого удела, она в глазах патриархальной культуры сразу становится дерзкой, подозрительной, опасной, угрожающей разрушить конкурентные преимущества мужского — вот почему директриса, летчица, фигурантка, преподавательница, редакторка, тренерша приобретают в так гендерированных глазах негативные коннотации. Чтобы не выдать свой страх таким нежеланием женщин подчиняться порядку и знать свое место и умерить их пыл быть самой собой в публичных ипостасях, уже появившиеся слова и вообще все творящие женский род суффиксы маркируются как смешные, неуместные. И такая стратегия дает свой результат, потому что символический капитал, так значим в публичном пространстве, этими насмешками и обвинениями в неграмотности, существенно уменьшается. И хоть по факту женщины успешны уже во многих когда-то мужских сферах занятости и самореализации, но стоит это им каждый раз много большего, нежели коллегам мужчинам, поскольку кроме квалификации каждый раз доказывай, что «смеешь быть», ведь из «естества» языкового этого не проистекает, мужчине же язык по умолчанию предусматривает возможность руководить, творить, распоряжаться (государь, собственник, начальник). Даже тратя ежедневно эти дополнительные усилия, женщина, лишенная собственного имени, не приобретает сколь-нибудь уверенного положения, ведь все равно, работая под вывеской «художник», «ученый секретарь», «главрач», несет впечатления «случайно», «временно», «по ошибке», «за неимения лучшего», «не по прав(ил)у» занимающей эту по звучанию мужскую позицию. Вот какую интенцию несут все эти «поэт-енкина», «главный редактор-ья-вна», «лидер движения -ова», а не особое уважение и «настоящность», как нам пытаются представить подобные грамматические недоразумения! Так что из всех выше изложенных экономических соображений, прежде всего самим женщинам нужно бороться с такой грамматической андроцентричностью, как нечестными приемами конкуренции в публичной и личной сфере.

МА-О
Feb 2, 2012

Пора бы уже перейти на скобочную иерархию социума и не парится по поводу таких незначительных проблем. Скобки они есть субъекто/объектные отношения а пустота внутри симвулизирует свободу выбора. Подаю для пущей ясности пример, подаю к столу так что расступись. Итак с 7 до 9 часов вечера сего дня, я, как говорил пророк из рекламного ролика — томат. Слово «тарелко» на это время в моём самопровозглашённом лексиконе «означает округло плоско и не мыто одновременно». Сам я такой же. Только ещё и красный. Основополагающим критерием в словообразованию назначаю социальную сеть в контакте, уж очень мне нравится её предложения по исправлению фамилии нашего президента. И монашенька и букашечка и ещё какая то х-ня, — всё про него, если отнять часть не получим представления о целом. Да не услышит меня вождь.

опять вопрошаю (первый раз удалилось) кто кем восхищается в слове «описка» и о писке какого пола идёт речь?

1 комментарий

Сортировка

Добавьте комментарий...

Валентин М

Пока "человек" мужского рода, все будет неизменно)

Отметка "Нравится" · Ответить · 6 л.

Vira Motorko

Як добре, що українською — «людина». Значить, у нас є шанс на зміни

Отметка "Нравится" · Ответить · 4 г.

Добавить комментарий

Имя *

Email *

Сайт

Комментировать

[О проекте](#)
[Партнеры](#)
[Реклама](#)
[Контакт](#)

[Facebook](#)
[Twitter](#)
[RSS](#)

© 2011-2012 Art Aktivist. Все права защищены.

Design & Web Development
by Sgustok Studio